

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЛИРИКЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО

Э. Б. Абибуллаева

Крымский инженерно-педагогический университет

Поступила в редакцию 30 октября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена текстообразующим логико-семантическим связям как средству концептуализации окружающего мира на примере лирики И. Сельвинского. Доказано, что лексический, морфологический, синтаксический и другие виды повторов определяют семантику текста, иллюстрируют жизненную позицию автора. Выявлены функции повтора в создании художественных образов в поэтических текстах И. Сельвинского.

Ключевые слова: логико-семантическая связь, лексический повтор, морфологический повтор, анафорический повтор местоимений, поэтический текст, художественный образ, И. Сельвинский, функция повтора, семантика.

Abstract: the article describes text-forming logical and semantic relations as a means of conceptualizing the world in I. Selvinsky's poems. It is proved that lexical, morphological, syntactic repetitions, anaphoric repetition of pronouns in Selvinsky's poetic texts determine semantics of the text, illustrate the author's stance. The article also reveals functions of repetition in the creation of artistic images in the poetic text of I. Selvinsky.

Key words: logical and semantic connection, lexical repetition, morphological repetition, anaphoric repetition of pronouns, poetic text, cognitive image, I. Selvinsky, function of the repetition, semantics.

Тексту свойственна связность, которая определяет его целостность. Чтобы смысл текста был понят реципиентом, он должен быть четко организован и иметь логическую последовательность идей. Как отмечает Л. Г. Бабенко, все компоненты текста должны быть семантически связаны между собой и соотнесены с глобальным содержанием текста [1, с. 182]. И. Р. Гальперин определяет текст следующим образом: «это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определенный моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [2, с. 23].

Изучению связности текста, в частности повторов, посвящено немало работ, которые рассматриваются с разных точек зрения: лексико-семантической, структурной, экспрессивно-стилистической (Ю. М. Лотман, Л. Б. Гацалова, З. П. Куликова, Г. С. Сырица, Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин, О. В. Казаченко, Г. Норман, З. Харрис).

Среди работ, посвященных творчеству И. Сельвинского, следует отметить исследования М. С. Ястребова-Пестрицкого [3], в которых мета-

фора рассматривается как компонент идиостиля писателя, выявляются механизмы вербальной экспликации поэтической метафоры у И. Сельвинского и ее полевая структура. Роль категорий «лирический субъект», «портрет», «пейзаж» в художественной системе И. Сельвинского была изучена И. А. Степановой [4].

Л. А. Рустимова [5] прослеживает пушкинское присутствие в лирике самобытного поэта. В доказательство автор приводит ряд реминисценций, реализующих культурно-художественную проблематику многих стихотворений И. Сельвинского, указывает на эпитафии, которые представляют пушкинский текст.

Свидетельством неослабевающего интереса к творчеству выдающегося поэта являются работы Р. М. Горюновой [6], И. П. Зайцевой [7], Н. А. Турапиной [8], Л. С. Пастуховой [9], И. П. Шаповаловой [10]. Однако исследователями не изучены функции повтора как важнейшего репрезентанта смысла текста и фрагмента картины мира И. Сельвинского. На уровне идиостиля исследуемого поэта языковой повтор не проанализирован как проявление авторского стремления избежать разложения слов, создать словесную оболочку для предметов, существовавших до этого лишь потенциально. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности данной работы.

Цель нашего исследования – выявить основные текстообразующие логико-семантические связи и определить их функцию в создании художественных образов в лирике И. Сельвинского.

В качестве источника использовались стихотворения И. Сельвинского «Карусель» и «Hotel Istria», как наиболее репрезентативные для данной проблемы.

Логико-семантические связи представляют собой повтор информации, который связывает части текста, образуя логическое целое. Существуют различные трактовки связности текста. Н. С. Валгина рассматривает текст как структурное единство, а связность неизменным его качеством. Автор пишет, что связность текста проявляется на уровне тема-рематических последовательностей в рамках межфразовых единств, когда четко фиксируются структурные показатели связи – эксплицитные и имплицитные, контактные и дистантные. Повторение информации, по Н. С. Валгиной, усиливает структурную связность компонентов текста [11, с. 29].

И. Р. Гальперин считает, что связность текста осуществляется посредством различных форм когезии, т. е. особых видов связей, обеспечивающих логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимосвязь сообщений в тексте [2, с. 48].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин считают связность текста важнейшей текстовой категорией, так как именно средства связывания превращают отдельные высказывания в целостный текст. Авторы рассматривают внутритекстовые связи на семантическом, грамматическом и прагматическом уровне [1, с. 182]. Наше исследование касается всех уровней, но основной акцент делается на семантическом уровне.

Стихотворения И. Сельвинского, поэта и драматурга, представителя литературного течения конструктивизма, представляют собой логически связанные, цельные тексты с обилием повторов разных видов и уровней. Например, в стихотворении И. Сельвинского под названием «Карусель» преобладает семантический повтор, который, по утверждению И. И. Радченко, считается наиболее сложной разновидностью повтора, поскольку относится к материально не выраженной разновидности повторов [12, с. 132]. Семантический повтор в «Карусели» представлен синонимическим рядом, который одновременно используется автором как средство межфразовых связей и способ создания экспрессивности текста. Особую концептуальную значимость в данном тексте имеет лексика, связанная с конем: *шахматные кони карусели; красные, зеленые, стальные, фиолетовые рысаки; на «кобылке» цвета канарейки; я ведь сам на солнечном Пегасе; на своем премудром скакуне; эх ты, кляча легендарной масти*. Данные

семемы образуют синонимический ряд и имеют общее лексическое значение – «животное».

Следует заметить, что сочетание *шахматные кони карусели* является индивидуально-авторским, так как карусельные кони обычно отождествляются, сравниваются с живыми, а не с шахматными. Герой вспоминает, как он разрешал шахматные задачи на своем премудром скакуне, поэтому слово «карусель», кроме основного значения «вращающееся устройство для катанья по кругу, с сиденьями, сделанными в виде кресел, лошадей», является шахматным термином, означающим сложный ход фигурами. В данном контексте наблюдается авторская энантиосемия – способность слова развивать в пределах лексемы противоположные, антонимические значения [13, с. 639]. С одной стороны, карусель ассоциируется с легкостью, весельем, пестротой красок. С другой – автор отсылает языковое сознание к древнейшей игре, требующей большого интеллектуального напряжения для решения задач. Как известно, в шахматах каждая фигура должна иметь свое место, в соответствии с которым определяется ее статус, и двигаться по жестко определенным правилам. Кроме этого, двухцветность – неизменная черта шахматной доски, что на ментальном уровне противопоставляется пестроте карусельного движения. Игра в шахматы формирует образ четкости, замкнутости и сложности. Таким образом, автор, уподобляя жизнь шахматной игре и карусели, раскрывает ее противоречивость.

Привлекает внимание колоративная парадигма для описания окраса лошадей. Красный, зеленый, фиолетовый цвет не характерен для данных животных. Поэтому прилагательное серый заменяется адъективом стальной, который придает тексту большую экспрессивность. Синонимическая параллель, являющаяся свидетельством связности текста, проявляется в следующем случае: *кобылка цвета канарейки – солнечный Пегас*. Под словом солнечный подразумевается желтый цвет, и канарейки, в основном, бывают желтого оперения.

Девочка, являясь еще ребенком, катается не на конях или рысаках, а на кобылке. Герой, опираясь на собственный опыт, говорит, что это пустой забег. Он сам на солнечном Пегасе прокружил всю молодость свою. Автор называет коня Пегасом, ассоциативно связывая текст с древнегреческим мифом. Пегас является символом безудержного поэтического полета фантазии и в этом качестве часто появляется в поэзии.

Далее герой обращается к самому коню, называя теперь его совсем иначе: *эх ты, кляча легендарной масти*. Согласно словарю С. И. Ожегова, *кляча* – «плохая (обычно старая) лошадь, заморенная» [14, с. 76]. Лошадь вместе с хозяином пронеслась по жизни, постарела. Герой с отчаяньем говорит, что

извел все силы на нее, так и ничего не добился к старости, не обрел самого главного – человеческого счастья:

*На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:
Не забил ни одного гвоздя.*

Неоднократное употребление лексем с ядерной семой 'конь' свидетельствует об особой роли этого животного в художественной картине мира И. Сельвинского.

Наряду с полным повтором, в данном лирическом тексте имеется частичный лексико-семантический повтор, представляющий собой повторение различных словоформ, имеющих один корень *-круг-* и единый актуальный смысл – бесконечность и цикличность:

*Странно это круглое веселье
В суетной окружности земной...
Далее в виде глагола:
Девочка на все свои копейки
Кружится в блаженном полусне...
...Я ведь сам на солнечном Пегасе
Прокружил всю молодость свою...*

Данные строки иллюстрируют авторское решение в изображении действительности, имеющее философскую направленность в отношении определения времени в истории. Обращение автора к круговому течению пространства и времени объясняется желанием понять смысл бытия / небытия. Отмеченные лексемы создают идейную направленность текста и формируют его эмоциональную доминанту.

Повтор является способом репрезентации и воплощения концепта 'поэзия', который ярко выражен в творчестве И. Сельвинского. Стихотворение «Hotel Istria» – своеобразная ода В. Маяковскому и поэзии в целом. Неоднократное повторение лексем *поэт* (4 раза), *поэзия* (3 раза) в разных грамматических формах преобразует их в ключевые слова, позволяющие определить наиболее важные понятия в картине мира автора.

Контекстуальные синонимы, находящиеся в разных предложениях, связаны между собой отношениями идентичности. Имена собственные *Маяковский*, *Владимир* (2 раза), *Владим Владимыч*, а также сочетание *предводитель ЛЕФа* (Левый фронт искусств) соотносятся семантически с лексемой *поэт*. Данные лексические единицы отдалены друг от друга сегментами текста и являются дистантными. Дистантный повтор представляет собой связующее звено в исследуемом тексте.

Контекстуальными антонимами к слову *поэт* выступают *рифмач*, *спекулянты да шибера*, собирательное существительное *крысье*, имеющие резко негативную семантику. Автор разделяет поэтов на две категории. Первым дано *Стиха колдовское слово*,

Чтобы, сорвавшись куда-то на дно, К солнцу взмыть снова. Стихи для них не просто поющий лист, Это сама революция! И. Сельвинский раскрывает всю многогранность поэзии, используя тождественный повтор:

*В поэзии мамонт, подъявиший бивни,
С автобусом рядом идет;
В поэзии с мудростью дышит наивность...
...В поэзии – небо, но и трясины,
В стихе струна, но и гул...*

Вторая категория поэтов резко противопоставляется первой иронической оценкой автора: *У этого ж только расчет. А этот? Одна и та же осина Пошла на него и на стул.*

Анафорический повтор играет немаловажную роль в раскрытии исследуемых концептов. Разделение автором поэтов на своих и чужих реализуется посредством повторения местоимений. И. Сельвинский относит себя к числу таких поэтов, как В. Маяковский, которые *чистое развивают*, для которых слово – это *искра солнца, Пальцы в вулканной пыли*. Этому подтверждением являются следующие местоимения: я (3 раза), мне (3 раза), его (2 раза), ты, с тобой, твое, нас, мы (3 раза), нас (3 раза), вы (3 раза), вам, своей, мою, наши.

Эти, этого, этот, этой, им, он (2 раза) характеризуют *фальшивых рифмачей с деревянными куплетами*, у которых *нет мыслей, Вся в цитатах душа*. Автор неоднократно акцентирует внимание читателя на «продажности» их поэзии: *А штыковая культура пера Служит у них карьеркам; Пленясь легкой наживой; У этого ж только расчет; Пока на бумажках проставлена сотня, Но завтра, глядишь, – миллион! И то, что богатством зовется сегодня, Опять превратится в «лимон».*

Значительный эмоциональный накал приобретают восклицательные предложения с тождественным повтором лексемы *связи*, которые на экстралингвистическом уровне подразумевают отсутствие таланта, получение покровительства других людей в целях достижения славы, приобретения выгодного положения:

*Большие связи – поэт велик,
Ничтожные связи – ничтожен,
Связи, связи! Главное – связи!
Связи решают все!*

Каждая следующая лексема *связи* подхватывает предыдущую, усиливает значение слова и выполняет строевую функцию. С помощью такого приема автор не только придает тексту связность, но и актуализирует значимость этих единиц.

Таким образом, поэтические произведения И. Сельвинского являются доказательством того, что связность – одно из значительных свойств текста, которое базируется, в частности, на повторе языковых

единиц. Функции повтора в текстах И. Сельвинского многогранны. Это и средство усиления, и актуализации, и гармонизации текста. Поэзия ярче, нежели проза, иллюстрирует каждую из вышеуказанных функций при сравнительно малом объеме. В стихотворениях поэта преобладает семантический повтор, который основывается на синонимах. В стихотворении «Hotel Istria» выявлен анафорический повтор местоимений, повтор контекстуальных синонимов и антонимов, которые ярче демонстрируют отношение И. Сельвинского к истинным поэтам, служащим народу и псевдопоэтам, интересующимся лишь финансовым благополучием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
3. *Ястребов-Пестрицкий М. С.* Метафора как компонент идиостиля писателя (на материале поэтического очерка И. Л. Сельвинского «Путешествие по Камчатке») : автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Донецк, 2016. – 28 с.
4. *Степанова И. А.* Проблемы поэтики И. Л. Сельвинского : лирический субъект, портрет, пейзаж : автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Симферополь, 2007. – 129 с.
5. *Рустемова Л. А.* Пушкинские традиции в лирике И. Сельвинского / Л. А. Рустемова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь, 2006. – Вып. 4. И. Сельвинский : проблемы поэтики. – С. 54–60.
6. *Горюнова Р. М.* «Улялаевщина» И. Л. Сельвинского : поэма или эпопея? / Р. М. Горюнова // Ученые записки Таврического национального университета. – Симферополь, 2000. – № 13 (т. 1). – С. 230–237.
7. *Зайцева И. П.* Эпическое начало в трагедии Ильи Сельвинского «Царевна-лебедь» / И. П. Зайцева // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь, 2006. – Вып. 4. И. Сельвинский : проблемы поэтики. – С. 18–28.
8. *Туралина Н. А.* Образная модель мира в поэтическом дискурсе И. Сельвинского / Н. А. Туралина // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь, 2006. – Вып. 4. И. Сельвинский : проблемы поэтики. – С. 33–37.
9. *Пастухова Л. С.* Диалог в лирике И. Сельвинского / Л. С. Пастухова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь, 2006. – Вып. 4. И. Сельвинский : проблемы поэтики. – С. 37–42.
10. *Шаповалова И. В.* Интертекстуальные переклички лирики И. Сельвинского с поэтическим творчеством М. Волошина / И. В. Шаповалова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь, 2006. – Вып. 4. И. Сельвинский : проблемы поэтики. – С. 60–66.
11. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос. – 280 с.
12. *Радченко И. И.* Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи / И. И. Радченко // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – С. 129–134.
13. *Нечаев А. А.* Источники и виды энантиосемии / А. А. Нечаев // Молодой ученый. – 2014. – № 6. – С. 638–641.
14. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Аз, 2010. – 928 с.

Крымский инженерно-педагогический университет
Абидуллаева Э. Б., аспирант кафедры русской филологии
E-mail: abibullaeva.elvira@mail.ru

Crimea Engineering and Pedagogical University
Abibullaeva E. B., Post-graduate Student of the Russian
Philology Department
E-mail: abibullaeva.elvira@mail.ru